

Наталия Юдина

Борьба с экстремизмом в виртуальном мире в 2012–2013 годы*

Ввиду ограниченности иных возможностей радикальные (и не только) политические движения ведут все более активную пропаганду в интернете. Это, разумеется, относится и к русским националистам, от самых умеренных до самых радикальных. Распространение в рунете этой пропаганды и языка вражды в целом вызывало и вызывает все нарастающее беспокойство общественности, а с ней – умножающиеся призывы создать и ужесточить специфическое регулирование в интернете, призванное остановить распространение этих опасных тенденций.

Именно проблематичным последствиям реализации этих призывов посвящена данная статья. Она суммирует информацию Центра «Сова» о применении анти-экстремистского законодательства в интернете в 2012–2013 годах. Мы не предполагаем, что сможем описать все нюансы практики киберпреследования, а остановимся на основных мерах, применяемых к частным и юридическим лицам – пользователям веб-пространства.

За 2012 год аудитория интернета выросла более чем на шесть миллионов активных пользователей, причем основной прирост произошел за счет жителей небольших городов и пожилых людей¹. В 2012 году суточная аудитория интернет-портала «Яндекс» впервые превысила аудиторию Первого канала, в 2013 году телеканал «Дождь» (и тогда многим доступный именно в интернете) обогнал Первый по цитируемости, заняв в рейтинге «Медиалогии» второе место после «России-24»². Все это было воспринято властью с опасением, поскольку интернет пока еще является самой сложноконтролируемой частью информационного пространства; в итоге контроль над этим пространством со стороны властей увеличился, возросло и количество уголовных и административных санкций. В том числе это коснулось и борьбы с киберэкстремизмом, то есть с действиями в ин-

---

* Статья ранее публиковалась в сборнике *Россия – не Украина: современные акценты национализма* (М.: Центр «Сова», 2014). Некоторые положения статьи не соответствуют мнению редакции – прим. ред.

¹ Если осенью 2011 года суточная аудитория Рунета составляла 40,7 миллионов пользователей, то к концу 2012 года – 46,8 миллионов. Подробнее см.: Интернет в России: динамика проникновения. Осень 2012 // ФОМ. 18 декабря 2012. <http://runet.fom.ru/Proniknovenie-interneta/> 10738. Последнее посещение 8 мая 2015.

² Топ-10 самых цитируемых ТВ-каналов. Март 2013 // Медиалогия – мониторинг СМИ и медиаанализ в режиме реального времени. 2013. Март. http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/0/2013/3/. Последнее посещение 8 мая 2015.

тернете, наказуемыми или предположительно наказуемыми в соответствии с нашим антиэкстремистским законодательством.

Мы не впервые предпринимаем такую попытку; в 2011 году Центр «Сова» выпустил доклад «Виртуальный антиэкстремизм: Об особенностях применения антиэкстремистского законодательства в Интернете (2007–2011)»³, описывающий как правовое регулирование веб-пространства и основные законы в этой области, так и практику уголовного и административного преследования за пропаганду в интернете. Нынешний текст является тематическим продолжением предыдущего доклада и хронологически охватывает события 2012 и 2013 годов. Вначале разбираются основные законодательные инициативы в области регулирования веб-пространства. Затем анализируется практика уголовного и административного преследования за пропаганду в интернете. Кроме того, рассматриваются санкции Роскомнадзора по отношению к интернет-СМИ и прокуратур – к интернет-провайдерам.

Законодательная база

Нормотворчество в 2012–2013 годы тяготело к широкомасштабным преобразованиям, буквальная реализация которых просто невозможна. До 2012 года законов именно «про экстремизм в интернете» не существовало, то есть антиэкстремистское законодательство действовало, как и должно, и онлайн, и офлайн. Но с тех пор, как 30 июня 2012 года был принят закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию и отдельные законодательные акты Российской Федерации"» (об антиэкстремистском применении этого закона см. ниже), в России был принят целый ряд законодательных репрессивных мер, касающихся в том числе и «борьбы с экстремизмом» в интернете.

Наиболее скандальным стал подписанный Президентом РФ 30 декабря 2013 года закон «О внесении изменений в Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"», предусматривающий внесудебную блокировку сайтов с призывами к экстремистским действиям и массовым беспорядкам. Законопроект внес в Думу 8 ноября 2013 года депутат от фракции ЛДПР Андрей Луговой. Новый закон вступил в силу с 1 февраля 2014 года. Согласно ему, обнаружив в сети информацию, содержащую «призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, разжиганию межнациональной и (или) межконфессиональной розни, участию в террористической деятельности, участию в публичных массовых мероприятиях, про-

---

³ Юдина Н. Виртуальный антиэкстремизм: об особенностях применения антиэкстремистского законодательства в Интернете (2007–2011) // Центр «Сова». 17 сентября 2012. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2012/09/d25322/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

водимых с нарушением установленного порядка» или получив сообщения о наличии такой информации в сети от граждан, организаций или органов власти, Генпрокуратура может обратиться в Роскомнадзор, который блокирует сайт без всякого предупреждения⁴. При этом в инструкции ничего не сообщается об уведомлении владельца сайта о том, что именно вызвало претензии прокуратуры. В дальнейшем в случае удаления «крамольного» контента сайт может быть разблокирован.

Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК) выступила с критикой законопроекта Лугового⁵, отмечая, что в результате действия закона прокуроры наделяются правами судов, которые, согласно закону «О противодействии экстремистской деятельности», принимают решения о блокировке сайтов с противоправной информацией. Законопроект, таким образом, приводит к смешению полномочий двух ветвей власти. Нам также представляется излишним введение этой нормы; мы считаем недопустимой внесудебную блокировку материалов, основанную лишь на подозрениях в экстремизме, потому что это неизбежно приведет к произволу и злоупотреблениям со стороны властей и наступлению на свободу слова, что и подтвердилось в истории с блокировкой сайтов *Грани*, *Kasparov.ru* и *Ежедневный журнал* (см. ниже).

Внесудебное действие возможно для срочного пресечения правонарушения. Законопроект обсуждался после погромов в московском Бирюлево Западном, и в качестве аргумента за внесудебную блокировку как раз предлагалась необходимость пресечь происходящую в реальном времени мобилизацию для участия в массовых беспорядках. Да, этот аргумент не лишен смысла, но он не может оставаться единственным. Во-первых, «закон Лугового» сформулирован чрезвычайно широко в плане определения причин блокировки, и явно не во всех таких случаях срочное пресечение готовящегося правонарушения уместно. Во-вторых, на практике за какими-то редчайшими исключениями вполне можно успеть получить судебный ордер: если срочная блокировка необходима, то правоохранительные органы должны действовать с санкции суда, которая может быть выдана в срочном порядке, как в случае санкции на обыск. В-третьих, в ситуации действительно оперативной мобилизации каких-то радикальных групп пресечь этот процесс блокировками технически невозможно, так как мобилизация происходит по многим каналам одновременно. Нельзя забывать и о том, что блокировка призывов к «участию в публичных массовых мероприятиях, проводимых с наруше-

---

⁴ Инструкция по работе с требованиями Генеральной прокуратуры о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим информацию, содержащую призывы к массовым беспорядкам, осуществлению экстремистской деятельности, участию в массовых (публичных) мероприятиях, проводимых с нарушением установленного порядка // Официальный сайт Роскомнадзора. <http://398-fz.rkn.gov.ru/docs/Instruction.pdf>. / . Последнее посещение 8 мая 2015.

⁵ Позиция РАЭК по законопроекту № 380323-6 (О досудебных блокировках за экстремизм) // Официальный сайт РАЭК. 12 ноября 2013. <http://raec.ru/times/detail/3091/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

нием установленного порядка», с большой вероятностью будет применяться к объявлениям о любых неугодных властям акциях или просто об акциях, еще не согласованных.

Уже в середине марта 2014 года согласно новому закону были заблокированы первые сайты. Первый удар традиционно принял на себя популярнейший видеохостинг YouTube, доступ к которому блокировали с 7 по 12 марта 2014 г. несколько провайдеров в различных регионах России из-за распоряжения Генпрокуратуры закрыть доступ к ролику Валерии Новодворской и Константина Бороваго с обращением к жителям Украины. Далее пострадал портал *Lenta.ru* из-за публикации интервью корреспондента Ильи Азара с представителем украинского «Правого сектора» Андреем Тарасенко и ссылки на старое интервью с лидером украинской националистической организацией «Тризуб», а ныне – «Правого сектора», Дмитрием Ярошем⁶. 13 марта 2014 г. Роскомнадзор по требованию Генпрокуратуры внес в единый реестр запрещенной информации сайты *Грани*, *Kasparov.ru* и *Ежедневный журнал* (*ej.ru*) и направил провайдерам требование о незамедлительном ограничении доступа к ним. В реестр также был внесен блог Алексея Навального в *Живом журнале* (*navalny.livejournal.com*). Предположительно, все эти сайты были заблокированы за какие-то призывы, но за какие именно, Генпрокуратура не сообщила⁷.

28 декабря 2013 г. был подписан закон № 433-ФЗ «О внесении изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации», устанавливающий ответственность «за публичные призывы к действиям, направленным на нарушение территориальной целостности Российской Федерации». 30 декабря 2013 г. закон был опубликован в *Российской газете*. Изменения в УК вступили в силу с 9 мая 2014 г. Согласно закону, в Уголовный кодекс вводится статья 280¹ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»), наказание по которой предусматривает штраф до 300 тысяч рублей, либо обязательные работы на срок до 300 часов, либо лишение свободы на срок до трех лет. Особо оговорено, что за те же деяния, совершенные с использованием СМИ и интернета, предполагаются обязательные работы на срок до 480 часов или лишение свободы на срок до пяти лет. На наш взгляд, законодательный запрет сепаратизма должен влечь криминализацию лишь тех действий, которые связаны с насилием. Но здесь важно отметить при-

---

⁶ 12 марта 2014 года Роскомнадзор вынес порталу предупреждение. После этого владелец холдинга «Афиша-Рамблер-SUP», к которому относится *Lenta.ru*, Александр Мамут, уволил главного редактора Галину Тимченко. Мамут также потребовал увольнения Ильи Азара. Вскоре уволилась гендиректор издания Юлия Миндер. После этого большая часть редакции заявила о солидарности с уволенными. Сайт «Ленты» в течение 13–14 марта работал с перебоями из-за хакерской атаки.

⁷ Подробнее об этих санкциях и о степени их правомерности, точнее, неправомерности, см.: Российские власти взяли за широкую блокировку нелояльных сайтов // Центр «Сова». 14 марта 2014. <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/03/d29138/>). Последнее посещение 8 мая 2015.

равнивание любых выступлений в интернете к публикации в СМИ. Между тем достаточно очевидно, что выступление в интернете может быть как сравнимо по аудитории со средним СМИ, так и иметь аудиторию в несколько человек.

15 января 2014 г. группа депутатов, представляющих все четыре фракции – Ирина Яровая и Шамсаил Саралиев («Единая Россия»), Олег Денисенко (КПРФ), Андрей Луговой и Игорь Лебедев (ЛДПР), Леонид Левин («Справедливая Россия»), – внесла в Госдуму новый антитеррористический пакет законопроектов и уже в начале мая Президент подписал эти поправки. Помимо прочего, в пакет входит законопроект, который вносит поправки в законы об информации и о связи, направленные на усиление государственного контроля над интернетом. Предполагается наложить на физических лиц и организации, «организующие распространение информации и (или) обмен данными между пользователями», обязанность уведомлять Роскомнадзор о начале своей деятельности, а также хранить данные обо всех действиях пользователей в течение полугода после окончания своей деятельности и предоставлять их правоохранительным органам в случаях, предусмотренных законодательством. За невыполнение этих обязательств вводятся административные санкции – штраф от тысячи до трех тысяч рублей для граждан, от десяти до тридцати тысяч рублей для должностных лиц и от 100 до 300 тысяч рублей для организаций. Предполагается каким-то образом распространить эту схему и на зарубежные интернет-ресурсы, доступные российским пользователям. Эта мера представляется нам избыточной, ведь усиление наблюдения над интернетом по существу не привносит ничего нового по сравнению с действующей уже на территории РФ системой контроля сети СОРМ-2, зато на юридические и даже физические лица возлагается немалое бремя, так что фактически это затрагивает уже их гражданские права.

В заключение отметим, что нормотворческая практика тяготеет к столь масштабным преобразованиям и порождает механизм такой потенциальной мощи (огромный объем запретов, внесудебная блокировка и т.д.), что произвольное правоприменение становится просто неизбежным. Создается впечатление, что все принятые законы и выдвигаемые законопроекты и пишутся специально для избирательного применения, что неизбежно ведет к злоупотреблениям и ущемлению свободы слова.

Уголовное преследование

Уголовное преследование остается самой серьезной реакцией на пропаганду в интернете. В 2012–2013 году количество приговоров именно за киберпропаганду стало преобладающим в уголовном преследовании языка вражды, приговоров за пропаганду вне интернета выносилось в разы меньше. В 2012 году нам известны

65 приговоров за пропаганду онлайн из 89 за пропаганду в целом⁸, а в 2013 году – 103 из 133. Напомним данные за предыдущие годы: в 2007 году нам были известны три таких приговора из 28. В 2008 году приговоров «за интернет» было вынесено 14 из 45, в 2009-м – 17 из 56, в 2010-м – 26 из 72, а в 2011 году их было вынесено не менее 52 из 78. На графике ниже представлена динамика этого процесса с 2007 по 2013 год.

Из приведенных данных видно, что стремительно растет как общее количество приговоров за пропаганду в целом⁹, так и доля приговоров именно за интернет-пропаганду. Если в 2007 году эта доля составила 10 %, в 2008-м – 31 %, в 2009-м – 30 %, в 2010-м – 36 %, то в 2011 году доля приговоров «за интернет» составила уже 66 %, в 2012-м – 73 % и в 2013 году – 77 %.

Конечно, следует принимать во внимание, что число пользователей интернета неуклонно растет и всемирная паутина становится все более значимым источником информации и средством общения. В последнее время интернет как площадка для агитации и дискуссии стал критически значим для радикалов всех мастей из-за цензурного давления, но и потенциальная аудитория радикалов также растет. Однако основной причиной такого стремительного роста преследования за

⁸ Речь идет о статьях 282 («Возбуждение национальной ненависти») и 280 («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности») УК РФ.

⁹ Например, в 2013 году количество приговоров за пропаганду более чем в три раза превысило количество приговоров за насилие и вандализм вместе взятых, а число людей, осужденных за пропаганду, выше почти в два раза. Подробнее см.: Юдина Н., Альперович В. Праворадикал расправил плечи: ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2013 году в России // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году. М., 2014. С. 140-162.

интернет-пропаганду стала явная внутренняя переориентация сотрудников правоохранительных органов на преследование тех, кого проще обнаружить. Если еще десять лет назад расследование подобных дел для оперативников, привыкшим к «полевой работе», было непривычным, то за последние три года внутри правоохранительных органов выработалась некая механика расследования дел за пропаганду (в том числе и в интернете), и расследование подобных дел стало привычным и, главное, простым. Это вызвало заметный прирост в отчетности о противодействии экстремистской деятельности в целом, но отчетность эта растет в основном за счет тех, кто републикует видеоролики и статьи в интернете, а не за счет тех, кто занимается реальным уличным насилием.

Известный интернет-активист Антон Носик образно описывает этот сдвиг так: «...нашим операм, следователям, прокурорам и судьям уже очень давно надоело мараться о реальный криминал – убийства, изнасилования, грабежи, разбой. Каждый винтик в этой системе спит и видит, как бы ему целиком сосредоточиться на расследовании "преступлений мысли". Не бегать по лужам за вооруженным преступником, а скачивать ролики в Интернете. В качестве вещдоков исследовать не изуродованные трупы и фрагменты тел, а файлы и чаты в Сети. Вместо напряженных попыток вычислить неизвестного злоумышленника – привлекать к ответственности того, чье имя написано большими буквами в заголовке страницы. Если написано не имя, а псевдоним – раскрыть через провайдера. Долой презренное ремесло сыска, прочь загадки. Кто под руку попался, того и тащим в суд»¹⁰.

За веб-пропаганду интернет-пользователи по большей части преследуются по ст. 282 УК. Реже применяется ст. 280 УК¹¹. В 2012–2013 годах подавляющее большинство приговоров вынесено именно по ст. 282, причем по первой ее части, то есть без таких квалифицирующих признаков, как связь с применением насилия, с использованием служебного положения, организованной группой.

При анализе содержательной части пропагандистской киберриторики важно понять, кто же является объектом ненависти со стороны осужденных интернет-пользователей за прошедший период. К сожалению, в сообщениях о вынесенных приговорах правоохранители в основном пишут ничего не проясняющие фразы типа «размещал в интернете файлы экстремистского содержания» и «высказывания, направленные на возбуждение ненависти и вражды, а также унижение достоинства групп лиц» (стандартные формулировки прокуратур), никак не конкретизирующие содержательную сторону дела. Поэтому наша классификация является заведомо неполной.

---

¹⁰ Носик А. Фиктивное правосудие // Блог Антона Носика. 27 августа 2012. <http://dolboeb.livejournal.com/2380781.html>. Последнее посещение 8 мая 2015.

¹¹ Подробнее о применении ст. 280 УК см.: Юдина Н. Из пушки по воробьям: обзор практики правоприменения ст. 280 УК в 2005–2010 гг. // Центр «Сова». 25 октября 2010. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2010/10/d20081/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

Там, где это было возможно, в основном – по сообщениям прокуратур и следственных комитетов, мы выделили следующие группы объектов вражды (в инкриминированных осужденным материалах могла выражаться вражда к нескольким группам):

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Уроженцы Кавказа	1	7	7	9	20	29	36
Уроженцы Средней Азии	0	0	0	0	0	16	14
Евреи	1	4	4	5	5	15	18
Коми	0	0	0	0	1	0	0
Башкиры	0	0	0	0	1	0	0
Татары	0	0	0	0	1	0	1
Цыгане	0	0	0	0	0	1	1
Курды-езиды	1	0	0	0	0	0	0
Темнокожие	0	0	2	0	2	2	3
Чиновники (в т.ч. правоохра. органов)	0	3	2	2	2	2	4
Антифашисты	0	0	0	0	0	3	3
Американцы	0	0	0	0	0	0	1
Неопределенные неславяне	0	0	3	2	3	10	14
Малазийцы	0	0	0	0	0	0	1
Арабы	0	0	0	0	0	0	1
Русские	0	0	0	3	1	1	7
Христиане	0	0	2	2	4		
«Неверные» (призыв к воору. джихаду)	0	0	0	0	4	4	2
Мусульмане	0	0	0	0	0	4	5
Иудеи (в отличие от евреев)	0	0	0	0	0	1	0
Неизвестно	0	3	4	5	13	16	35

Конечно, уголовные дела – не вполне адекватный источник анализа собственно языка вражды, так как эта статистика характеризует скорее то, на что обращает внимание полиция. Но в отсутствие масштабных исследований направленности вражды в ультраправом секторе рунета приходится обходиться и такими данными, и они в общих чертах согласуются с нашими представлениями об ультраправом рунете.

Мы видим, что основной объем криминального преследования интернет-пропаганды приходится на ультраправых и прочих этноксенофобов, второе место с большим основанием занимают радикальные исламисты. Нам неизвестно ничего о преследовании других акторов, скорее всего, таковых просто нет.

Из приведенных данных, очевидно, что в ультраправом интернете продолжает доминировать антикавказская риторика¹². В меньшей степени объектами вражды

¹² Основным объектом нападения со стороны радикальных ультраправых в 2012–2013 годах являются уроженцы Центральной Азии. См. статистические данные по нападениям в докладах Центра «Сова».

являются уроженцы Средней Азии, евреи и все «неславяне» в целом. Количество остальных коллективных объектов ненависти невелико, хотя большая часть этих групп (темнокожие, цыгане, антифашисты) неизменна год от года.

Показательно, что объектов религиозной вражды немного, доля антимусульманской и антииудейской риторики в уголовной практике невелика. По нашим наблюдениям, среди праворадикально настроенной молодежи этническая ненависть действительно абсолютно превалирует над религиозной. Вся эта пропаганда располагалась на следующих типах интернет-ресурсов:

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Интернет-сайты	1	3 ¹³	2	2	3	0	0
Социальные Сети (подр. см. в табл. ниже)	0	0	2	6	25	50	88
Блоги	0	2 (ЖЖ)	6 (ЖЖ – 3)	1	1	0	1
Форумы (комментарии)	1	4	1	2	5	5	2
Локальная сеть	0	1	0	1	4	0	3 ¹⁴
Рассылка по e-mail	0	0	0	0	1	0	1
Неизвестно	1	5	6	13	11	10	8

Отдельно рассмотрим, в каких социальных сетях была обнаружена интернет-пропаганда:

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего:	0	0	2	6	25	50	88
<i>ВКонтакте</i>	0	0	2	6	20	40	68
<i>Одноклассники</i>	0	0	0	0	1	0	1
<i>В кругу друзей</i>	0	0	0	0	0	0	1
<i>Мой мир</i>	0	0	0	0	0	1	1
Не указано	0	0	0	0	4	9	17

Таким образом, тенденция выискивания интернет-пропагандистов среди пользователей социальных сетей, замеченная нами в 2010 году, за последние два года стала безусловно доминировать. За два года правоохранители практически полностью переориентировались на ловлю экстремистов в социальных сетях, а точнее, в одной из них – самой известной в России. Речь идет о сети *ВКонтакте* –

¹³ Все три эпизода 2008 года касаются создания собственных сайтов, про остальные годы информации нет.

¹⁴ Все – *Майн кампф*.

крупнейшей в России социальной сети¹⁵, которая очень популярна среди молодежи, в том числе и среди праворадикально настроенной. Именно в *ВКонтакте* действуют самые крупные группы националистического и расистского толка. Пользователей этой сети легко найти, так как при регистрации вводятся контактные данные и номера телефонов владельцев страниц, а администраторы сети предоставляют эти сведения сотрудникам правоохранительных органов по первому же запросу. Остальные же социальные сети (*Одноклассники*, *Мой мир*, *В кругу друзей*, *Facebook*) в 2012–2013 годах крайне редко попадали в поле зрения правоохранителей.

Общественная опасность, да и объем аудитории у осужденных интернет-пользователей неодинаковы. Скажем, в декабре 2012 года в Норильске был осужден к шести месяцам исправительных работ известный местный праворадикал, администратор группы «Русский Марш 2012» в сети *ВКонтакте* Николай Бабушкин – за размещение националистических материалов в социальных сетях. Этот человек был достаточно популярен среди норильской националистически настроенной молодежи и занимался подобного рода пропагандистскими деяниями систематически¹⁶. Однако этот случай – скорее исключение. Насколько нам известно, за последние два года среди осужденных за интернет-пропаганду практически нет «тысячников», да и просто известных фигур, популярных среди ультраправых пользователей рунета. (Типичная цитата из сообщения прокуратуры о приговоре: «В результате преступных действий обвиняемого видеоролики по размещенным им гиперссылкам были просмотрены не менее 15 пользователями сети Интернет».) При этом вне внимания правоохранителей остаются известные праворадикальные пропагандисты (авторы популярных статей, редакторы ресурсов и т.д.; приятным исключением стал арест Максима (Тесака) Марцинкевича, но приговор по его делу еще не вынесен). К сожалению, при вынесении приговоров критерий публичности (размер аудитории) никак не учитывается. А ведь это основной вопрос для «пропагандистских» статей УК¹⁷. К тому же большинство из осужденных даже не является «создателями» инкриминируемого материала (видеоролика или статьи), а всего лишь републикаторами, то есть рядовыми распространителями (в частности, они просто ставят в свои аккаунтах в социальной сети ссылки на видео, которое выглядит как часть контента аккаунта, но в реальности находится вне его).

---

¹⁵ По данным на январь 2014 года, ежедневная аудитория *ВКонтакте* — около 60 миллионов человек. См.: Статистика сайта «ВКонтакте». Рейтинг сайтов // Liveinternet. 24 января 2014. <http://www.liveinternet.ru/stat/vkontakte.ru/index.html?period=week&id=8&report=index.html%3Fperiod%3Dweek>. Последнее посещение 8 мая 2015.

¹⁶ В 2013 году против Бабушкина было вновь возбуждено уголовное дело за интернет-пропаганду.

¹⁷ Подробнее см.: Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Между Манежной и Болотной: ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году в России // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2011 году. М., 2012. С. 51-57.

Жанровое соотношение криминальных интернет-материалов в 2007–2013 годах было таким:

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Видео- и аудиофайлы (фильмы, ролики)	1	3	5	10	24	46	59 ¹⁸
Рисунки и фото	1	1	2	3	2	13	22
Статьи и другие цельные тексты	0	7	9	11	19	12 ¹⁹	14
Реплики и высказывания на форумах	1	4	1	3	10	11	12
Создание группы в социальной сети	1	0	0	1	0	2	0
Неизвестно	0	0	0	1	2	2	7

В жанровом отношении тенденции 2010–2011 годов также развиваются: доля приговоров за наглядные мультимедийные материалы (видео, аудио, рисунки и фотографии) увеличивается. И это понятно, ведь количество видеороликов в сети растет, а техническая возможность ставить ссылки (например, на сайты YouTube, Rutube) упрощается. Криминальными материалами часто оказываются не сами оригинальные ролики, а их многочисленные републикации. Чаще всего распространители этих видеороликов в социальных сетях не были их авторами, да и первыми публикаторами тоже не были. Мы полагаем, что для пользы дела правильнее было бы обнаружить создателя видеоролика и первоисточник, а не хватать первых попавшихся распространителей, тех, у кого не хватило сообразительности использовать зарубежные хостинги или скрывать свои паспортные данные.

То же касается и публикаций текстов: в большинстве своем к уголовной ответственности привлекаются рядовые републикаторы, которые, скорее всего, также были выбраны случайно. Справедливости ради надо отметить, что в поле зрения правоохранителей попадают и заметные среди локальных ультраправых фигуры. Например, в июне 2013 года член ультраправого движения Национальный союз Тульской области Дмитрий Герасин (Дима Пух) был приговорен к 160 часам обязательных работ за распространение материалов в социальной сети *ВКонтакте*.

«Оригинальными текстами», наверное, можно было бы назвать реплики в социальных сетях, блогах и форумах, но, на наш взгляд, отдельные реплики не стоят уголовного преследования. Между тем количество приговоров за полноразмерные тексты и за отдельные реплики в социальных сетях и комментарии к статьям на форумах практически одинаково.

Реальную общественную опасность, бесспорно, представляет создание ультраправых групп в соцсетях для координации насильственных действий. Например, по версии СМИ со ссылкой на источник в правоохранительных органах, ультраправая группировка «Бирюлевский фронт» смогла организовать погромы в

¹⁸ В том числе известный видеоролик «Казнь таджики и дага», фильмы «Россия с ножом в спине» и «Вечный жид», песни групп «Коловрат» и «Циклон Б».

¹⁹ В том числе *Майн кампф*, *Белый букварь*.

Бирюлево Западном 13 октября 2013 г.: активисты «фронта» бросили клич на интернет-ресурсах других группировок, в частности, «Московского фронта»²⁰. К сожалению, практика преследования за координацию насильственных действий в интернете практически не развивается, за прошедшие два года нам известно только два приговора за создание праворадикальных групп в сети *ВКонтакте* в Иркутске и Липецке.

Опасными представляются нам и опубликованные в интернете «расстрельные списки» с указанием адресов, личных данных и фотографий «врагов»²¹. Эти списки широко растиражированы в праворадикальном интернете и до сих пор (с 2008 года) находятся в свободном доступе (хостятся они, как правило, на зарубежных серверах). Наказания за интернет-пропаганду обычно не слишком строги.

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Всего осужденных. Из них:	10	14	17	30	52	65	103
Условно	1	5 ²²	6	15	24	9	5
Штрафы	1	4	1	4	11	16	20
Обязательные работы	0	0	5	5	9	21	33
Исправительные работы	0	4	4	2	2	14	29
Исправительные работы (условно)	0	0	0	0	0	3	4
Ограничение свободы	0	0	0	0	1	0	0
Воспитательные меры	0	0	0	0	0	1	0
Лишение свободы	8	1	0	3	5	1	3
Принудительное лечение	0	0	0	1	0	0	3
Истечение срока давности	0	0	0	0	0	0	4
Неизвестно	0	0	1	0	0	0	2

В целом, наказания были адекватны содеянным деяниям. В 2012–2013 годах приговоры, связанные с лишением свободы, выносились по совокупности с наказанием за иные (в основном насильственные) преступления. Единственный приговор, вызывающий сомнения, был вынесен в 2013 году в Новгороде. Пользователь социальной сети *ВКонтакте* за призывы «к совершению насильственных действий в отношении лиц неславянской национальности» был приговорен к 1 году и

²⁰ «Бирюлевский фронт» подозревается в организации погромов // Центр «Сова». 21 октября 2014. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2013/10/d28212/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

²¹ Конечно, многие данные из списка уже устарели, но часть информации актуальна и на сегодняшний день. Кроме того, списки представляет реальную угрозу не только фигурантам перечня, но и людям, проживающим по тем же адресам.

²² Один из них – с «запретом на профессию». Позицию Центра «Сова» по вопросу о практике «запретов на профессию» см., например, в: Кожевникова Г. Радикальный национализм в России и противодействие ему в 2008 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2008 году. М., 2009. С. 33-40.

10 месяцам колонии строгого режима, но, может быть, мы не знаем всех обстоятельств этого дела.

В 2012 году наконец-то переломилась тенденция выносить большое количество условных приговоров, и это, несомненно, позитивное изменение. Мы настроенно относимся к условным приговорам за идейно мотивированные преступления, особенно – за пропаганду. Конечно, любой приговор, даже и условный, может быть наказанием для осужденных, так как теоретически должен нанести ущерб репутации и возможной карьере. Однако большинство осужденных, особенно очень молодых²³, не беспокоится (еще) о своем будущем, и условный срок их отнюдь не останавливает. Как показывает многолетний опыт наших наблюдений, в основном осужденные не считают условный срок наказанием и продолжают заниматься тем же самым.

Большая часть интернет-пользователей приговаривалась к более действенным наказаниям, но не связанным при этом с лишением свободы (штрафам, обязательным и исправительным работам). И действительно, обязательные и исправительные работы – достаточно адекватное наказание за републикации в социальных сетях и нетолерантные реплики на форумах, если уж они заслуживали уголовного преследования.

Размеры штрафов, к которым приговаривались интернет-пользователи, колебались в этот период от 5 до 180 тысяч рублей. Почему за аналогичные деяния присуждаются столь различные суммы штрафов, непонятно. Можно предположить, что размеры штрафов определяются исходя из личности подсудимых и благополучности региона. Однако сумма большинства штрафов является ощутимым ударом по кошельку. Например, в 2013 году 9 человек было оштрафовано на сумму от 100 до 180 тысяч рублей, 7 человек – на суммы от 30 до 55 тысяч рублей, 4 человека – на суммы от 5 до 15 тысяч рублей. Характерно, что в 2013 году новосибирский следователь, вымогавший у блогера взятку за отказ в возбуждении уголовного дела по ст. 282, требовал сумму в 30 тысяч рублей²⁴, то есть ориентировался на средний уровень штрафов, налагаемых за аналогичные дела.

Географический охват уголовного преследования за киберпропаганду широк – не менее 60 регионов. Лидерами стали Свердловская область и Республика Татарстан (по 9 приговоров), Республика Чувашия (7 приговоров), Архангельская область (6 приговоров), Ульяновская область (5 приговоров). Интересно, что в Москве и Санкт-Петербурге количество осужденных за интернет-пропаганду невелико – 2 в Москве и 1 в Санкт-Петербурге. Причины этого не вполне очевидны. Можно предположить, что существует политическая установка не заводить

---

²³ В 2012–2013 годах за интернет-пропаганду было осуждено всего трое несовершеннолетних, и у нас нет достаточных данных по возрасту осужденных в целом, но легко предположить, что многие осужденные пользователи *ВКонтакте* и не только, очень молоды.

²⁴ Подробнее о деле см.: В Новосибирске следователь осужден за взятку // Центр «Сова». 28 марта 2013. <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2014/03/d29235/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

такие дела в столицах, чтобы не провоцировать сконцентрированную там «интернет-общественность». Но вероятнее, что в столицах с их высоким уровнем расистского насилия правоохранителям и так есть чем пополнять свою отчетность по противодействию экстремизму. А может быть, более высокая квалификация полиции в столицах не позволяет ей обычно заниматься столь малозначительными делами на фоне действительно серьезных проблем.

Здесь мы подходим к наиболее сложному и дискутируемому вопросу: насколько вообще правомерны описываемые уголовные преследования. Мы исходим из общей посылки, что закон должен действовать онлайн так же, как и офлайн. Само антиэкстремистское законодательство в сфере противодействия языку вражды весьма проблематично, но многие его положения вполне обычны для современного европейского права. Применение этого законодательства определенно избирательно и сопряжено в ряде случаев с разного рода злоупотреблениями. Даже приблизительно не решена принципиальная, особенно для интернета, проблема проведения границы между нежелательным, но допустимым, и уголовно наказуемым. Поэтому, говоря ниже о «правомерности» приговоров, мы говорим о ней в первом приближении – о случаях, когда даже буквальный смысл действующего законодательства был явно нарушен.

Но и такую степень правомерности ряда приговоров зачастую мы не можем оценить, так как материалы (особенно комментарии в блогах, на форумах и в социальных сетях) довольно оперативно удаляются из сети. Однако неправомочность некоторых приговоров очевидна. Таковыми мы считаем как минимум четыре приговора, вынесенные в 2013 году в Архангельске, Клину, Казани и Республике Башкортостан²⁵, и один приговор – в 2012 году в Уфе²⁶.

Таким образом, в подавляющем большинстве случаев уголовное преследование за пропаганду переходит в виртуальный мир и по большей части сводится к преследованию пользователей социальных сетей, и даже одной из них. Качество этого преследования стремительно ухудшается: приговоры выносятся практически исключительно за такие деяния – републикации в социальных сетях, выкладывание фильмов в файлообменных сетях, реплики на форумах, – которые, на наш взгляд, сами по себе вообще не должны становиться предметом уголовного преследования²⁷, а могут рассматриваться в административном порядке. Сотрудники центров «Э» по большей части бессистемно преследуют более или менее

---

²⁵ Кравченко М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2013 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2013 году. М., 2014. С. 124-127.

²⁶ Речь идет о приговоре пяти создателям оппозиционного сайта «Уфа Губернская» в Башкирии. См.: Кравченко М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2012 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году. М., 2013. С. 132.

²⁷ Разумеется, любые такие действия могут быть частью какого-то действительно опасного публичного подстрекательства, но каждое из них в отдельности вряд ли может представлять действительно существенную опасность для общества.

случайных людей за какие-то отдельные реплики и ссылки. Такого контента в интернете огромное количество, и «бороться с экстремизмом» подобным образом бессмысленно, так как в этом потоке языка вражды единичное и хаотичное правоприменение не создает у радикально настроенных граждан никакого представления о том, что можно и что нельзя.

Административные меры

К «экстремистам в интернете» применяются не только уголовные, но и административные меры. Выделим три основные категории: административное преследование отдельных интернет-пользователей, меры воздействия на интернет-СМИ и на хостинг- и интернет-провайдеров.

Преследование по статьям КоАП

Помимо статей УК, применительно к интернету довольно часто используются и такие статьи КоАП²⁸, как ст. 20.3 («Пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики») и ст. 20.29 («Массовое распространение экстремистских материалов, а равно их производство или хранение в целях массового распространения»). За прошедший 2013 год количество решений по административным статьям увеличилось, хотя уголовных приговоров мы знаем больше²⁹.

В 2013 году нам известно о 12 случаях наказаний «за интернет» по ст. 20.3 КоАП из 22 решений по этой статье в целом и о 23 из 45 – по ст. 20.29 КоАП (здесь мы учитываем решения, которые можно отнести к правомерным). Кроме того, еще одно решение было принято по обеим статьям сразу.

В 2012 году «по интернету» было принято 4 решения из 10 по ст. 20.3 КоАП и 17 решений из 18 – по ст. 20.29 КоАП. Помимо перечисленного, еще два решения были приняты по обеим статьям сразу.

Во всех случаях было наложено наказание в виде штрафа. В двух случаях были оштрафованы родители несовершеннолетних правонарушителей. В 2012 году в Югре родители еще одного школьника, разместившего в интернете «материалы экстремистского характера», были привлечены к ответственности по ст. 5.35 КоАП («Ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по воспитанию несовершеннолет-

---

²⁸ Считается, что административные правонарушения менее опасны, они не наносят существенного вреда и не обладают признаком повышенной общественной опасности, который вкладывается в это понятие уголовным законодательством.

²⁹ Хотя, вероятно, наша информированность в этом смысле неполна. Мы уверены, что знаем почти все уголовные приговоры, но не можем сказать того же про решения по административным делам.

них»). Еще в одном случае правоохранители ограничились беседой с несовершеннолетним подростком. Наказания эти выносились в основном за распространение в интернете ксенофобных текстов и видеофайлов (в том числе и включенных в Федеральный список экстремистских материалов).

Как мы могли заметить, из бесконечного Федерального списка экстремистских материалов (в начале мая 2014 года он перевалил за 2300 пунктов) внимание сотрудников правоохранительных органов в плане применения ст. 20.29 КоАП в 2012–2013 году привлекали всего несколько пунктов, а именно: песни групп «Коловрат» и «Психея», песни барда чеченского вооруженного сопротивления Тимура Муцураева, видеоролики «Формат-18», книги *Азбука домашнего терроризма*, *Майн кампф*, *Эсесовец и чистота крови*, фильмы «Россия в кривых зеркалах», «Россия с ножом в спине. Еврейский фашизм и геноцид русского народа», «Вечный жид», «Еврей Зюс», «Невинность мусульман». Да и немудрено, что список используется столь фрагментарно: разобраться в этом документе уже невозможно и идентифицировать конкретные материалы по описаниям, приведенным там, также часто затруднительно. Такая избирательность свидетельствует, что список как инструмент борьбы с реальной ксенофобной пропагандой используется крайне редко (да он и не может использоваться таким образом) и является де-факто очередным инструментом имитации антиэкстремистской деятельности.

В вопросе квалификации преступлений также не появилось никакой системы: практически за одни и те же деяния по-прежнему используются статьи то из УК, то из КоАП. Например, в 2013 году за републикацию в социальной сети *ВКонтакте* одной и той же песни группы «Коловрат» в Омске Александр Машенков был оштрафован на 2000 рублей по ст. 20.29 КоАП, а в Нефтекамске УК Сергей Кузьминых был приговорен к 200 часам обязательных работ по ч. 1 ст. 282 УК.

Как и с уголовными статьями, бывают случаи неправомерного применения статей КоАП. За 2013 год мы знаем четыре случая неправомерного применения ст. 20.29 и два случая неправомерного применения ст. 20.3 «за интернет», а за 2012 год, соответственно – два и один случай. Речь идет о републикациях в социальных сетях материалов, которые, по нашему мнению, были признаны экстремистскими неправомерно (видеоролика Навального, мусульманских религиозных трудов, таких как книга Эльмира Кулиева *На пути к Корану*), или же о таких курьезных случаях, как преследование за публикации *ВКонтакте* концертной фотографии певца Константина Кинчева, вскинувшего руку в жесте, напоминающем нацистское приветствие³⁰.

---

³⁰ Сам Кинчев, узнавший о происшествии, категорически отверг возможность того, что вскидывал руку в нацистском салюте, счел ракурс снимка неудачным и обвинил правоохранительные органы в излишнем фантазировании.

Предупреждения Роскомнадзора интернет-СМИ

Назорные меры в отношении редакций электронных СМИ осуществляет Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)³¹. Надзор за интернет-прессой, как и за всей прочей, проходит в виде проверок соответствия контента требованиям законодательства о СМИ, на основании результатов этих проверок выносятся предупреждение учредителю или главному редактору СМИ.

6 июля 2010 г. Роскомнадзор издал приказ «Об утверждении порядка направления обращений о недопустимости злоупотреблений свободой массовой информации к средствам массовой информации, распространение которых осуществляется в информационно-коммуникационных сетях, в том числе в сети интернет», действие которого распространяется на интернет-СМИ, на все зарегистрированные СМИ, имеющие интернет-версии или интернет-страницы. В приказе изложена пошаговая инструкция, в которой описана процедура оформления обращения в СМИ. Этот документ затрагивает не только сами тексты, но и комментарии на их интернет-форумах³². Результаты своей работы и список вынесенных предупреждений Роскомнадзор выкладывает на собственном интернет-сайте.

В 2012–2013 годах антиэкстремистские предупреждения выносились следующим редакциям: информационное агентство «AmurMedia», издания *Новый Регион*, *Полезная газета Татарстан*, *Newsland.ru*, *АртПолитИнфо*, *Столетие*, *Нева24*, *КМ.ру*, *Аргументы и факты*, *Полит.ру*, *Грани*, *Питер.ТВ*, *Информационный портал Сибкрай.ru*, *Комсомольская правда*, *Московский комсомолец*, *Муксун.fm*, *Русская линия*. Ни одно из этих СМИ не было закрыто, включая *Полит.ру* и *NewsLab*, которым предупреждения выносились дважды за год, что по сложившейся практике³³ дает основания для обращения в суд с требованием закрытия СМИ. Динамика предупреждений «за интернет» довольно выразительна:

	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Общее количество предупреждений	7	9	33	28	23	16	21
Предупреждения интернет-СМИ	1	4	2	5	5	6	17

³¹ Ранее – Росохранкультура, Россвязьохранкультура, Россвязькомнадзор. Подробнее см.: Кто выносит антиэкстремистские предупреждения // Центр «Сова». 16 июня 2008. <http://www.sova-center.ru/directory/2008/08/d13941/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

³² Подробный разбор этого приказа см.: Юдина. Виртуальный антиэкстремизм.

³³ Согласно ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в случае, если предупреждение, вынесенное редакции СМИ за экстремизм, не было обжаловано в суде, а также если в установленный срок не были приняты меры по устранению нарушений, ставших основанием для вынесения предупреждения, либо если повторно выявлены новые факты, свидетельствующие о наличии признаков экстремизма в деятельности СМИ, деятельность соответствующего СМИ подлежит прекращению. В российском законодательстве, таким образом, нет нормы о двух предупреждениях. Но устоялась практика обращений в суд после второго предупреждения, не оспоренного в суде, либо оспоренного неудачно. Если прокуратура или Роскомнадзор хотят обращаться в суд, конечно.

Как видим, если ранее общее количество предупреждений интернет-СМИ было невелико, то в 2013 году ситуация резко изменилась, предупреждения интернет-СМИ составили 81 % от общего количества.

В 2013 году только два из 17 предупреждений мы считаем правомерными³⁴. Внимания Роскомнадзора удостоились многие известные издания (*Аргументы и факты*, *Новый Регион*, *Московский комсомолец*, *Комсомольская правда*, *Полит.ру*, *Грани*, *Русская линия* и др.). 14 из 17 предупреждений были вынесены за размещение материалов (видеороликов, иллюстраций), связанных с «панк-молебном» группы Pussy Riot³⁵ и с новостями об Артеме Лоскутове, оштрафованном за футболки с «иконами» Pussy Riot. В 2012 году ситуация была чуть лучше: мы считаем правомерными половину вынесенных за интернет предупреждений – 3 из 6. Таким образом, очевидно, что эффективность работы охранного ведомства применительно именно к интернет-изданиям в 2013 году явно ухудшилась.

Санкции прокуратур в отношении интернет-провайдеров

И все-таки, несмотря на все вышеперечисленное, на сегодняшний день основным способом борьбы с «экстремистским» контентом в интернете являются санкции по отношению к интернет-провайдерам. С 1 ноября 2012 г. существуют две параллельные системы блокировки.

«Старая», более громоздкая, система блокировки сайтов, за которую отвечает прокуратура, действует как минимум с 2007 года и де-факто не отменена введенной позже «новой» системой блокировки по реестру Роскомнадзора (см. ниже). Все детали системы мы неоднократно описывали ранее³⁶, но сводится она к тому, что прокуроры, более или менее сверяясь с Федеральным списком экстремистских материалов, требуют через суд от локальных интернет-провайдеров заблокировать доступ к этим материалам или к целым сайтам, их содержащим³⁷.

Количество представлений прокуратур, направляемых прокуратурами местным интернет-провайдерам с требованием заблокировать доступ к «экстремистским сайтам», в 2012–2013 году по сравнению с предыдущим периодом выросло

---

³⁴ Редакция газеты *Комсомольская правда* (за колонку Ульяны Скойбеды «Политик Леонид Гозман заявил: "Красивая форма – единственное отличие СМЕРШ от СС"») и газеты *Русская линия* (за размещение брошюры монаха Афанасия «Отдайте нам Родину или Вокзал-Баку (без чемоданов)»).

³⁵ Предупреждения СМИ вынесены неправомерно, поскольку неправомерно, на наш взгляд, признание этого видео группы Pussy Riot экстремистским. В нем нет признаков религиозной ненависти. Авторы песни, сопровождающей ролик, в резких выражениях критикуют патриарха за поддержку власти, но в тексте не содержится не только никаких призывов к насильственным действиям против православных, но даже никакой критики в отношении православия и верующих.

³⁶ См.: Юдина. Виртуальный антиэкстремизм.

³⁷ Подробнее об этом в главе «Интернет и антиэкстремизм» статьи: Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2011 году М., 2011. С. 106-111.

в разы. И это при том, что о таких мерах прокуратуры и провайдеры не всегда считают нужным сообщать общественности. В таблице представлены данные о судебных блокировках с 2007 по 2013 год.

	<i>Общее количество судебных решений о блокировке доступа</i>	<i>Мы считаем неправомерными</i>	<i>Не можем судить о правомерности</i> ³⁸
2007	2	0	0
2008	2	0	0
2009	4	2	0
2010	11	8	0
2011	30	16	5
2012	126	57	0
2013	101	24	0

Кроме того, нам известно о трех случаях внесудебных требований блокировки доступа к интернет-провайдерам в 2008 году, об одном случае – в 2009-м, о двух – в 2010-м, о трех – в 2011 году, о семи случаях – в 2012 году и о трех – в 2013 году.

За два года мы знаем только один случай, когда провайдеру удалось отстоять право не закрывать доступ к сайту, и в этом случае в суде обсуждался важный и не урегулированный законом вопрос: противозаконно ли давать ссылку на запрещенный материал. В мае 2012 года в Дзержинске Нижегородской области ЗАО «Информсвязьстрой» выиграло суд у прокуратуры Дзержинска, требовавшей от провайдера заблокировать доступ к сайту salam.lg.ua на основании того, что на нескольких страницах были выложены ссылки на материалы, внесенные в Федеральный список. Позднее прокуратура изменила требования и просила суд обязать провайдера заблокировать только ссылки на запрещенные материалы. Представитель ответчика заявил, что такая обязанность законодательством на провайдеров не возлагается и ограничить доступ к ссылкам невозможно. Суд согласился с ответчиком и отклонил иск³⁹. Но нам неизвестно ни одного случая, когда уже проведенная через суд блокировка сайта была бы признана незаконной.

Основанием для блокировки был Федеральный список экстремистских материалов. Доля именно интернет-материалов в списке растет: в 2012 году из 522 обновлений не менее 293 были материалами из интернета, в 2013 году – не менее 333 из 590 пунктов (речь идет не об онлайн-воспроизведении запрещенного материала, а именно о запрете онлайн-материала в суде).

Если говорить о конкретных материалах, к которым было привлечено внимание прокуратур, то в большинстве случаев эти материалы не называются (стандартные формулировки «материалы, включенные в Федеральный список экстре-

³⁸ В этих случаях мы не можем судить о правомерности из-за недоступности текстов.

³⁹ Такие судебные успехи провайдеров можно считать уже исчезающей практикой.

мистских материалов»). Там, где это было можно определить, речь шла о разного рода мусульманских материалах (включая трактат философа XI века аль-Газали) или о книгах нацистских лидеров (Гитлера, Геббельса).

За два года в отдельных регионах отмечались неоднократные попытки блокировать крупные ресурсы, выдвигались требования закрыть популярнейший хостинг narod.ru, библиотеки libok.net, litmir.net, RoyalLib.ru, rulit.net, Либрусек⁴⁰. В 2012 году неоднократно страдал видеохостинг YouTube. В основном блокировки пришлись на конец лета – осень 2012 года, когда началась активная борьба с на шумевшим фильмом «Невинность мусульман», особенно распространившимся именно после запрета⁴¹. Из-за этого же злосчастного фильма провайдеры по требованию прокуратур блокировали и социальную сеть *ВКонтакте*.

Помимо этого, в 2012–2013 году выносились решения о блокировках запрещенных сайтов по ассоциации с запрещенными организациями (сайты национал-большевиков, «Армии воли народа», поклонников ДПНИ), хотя ни из закона, ни даже из доминирующей судебной практики никак не следует, что сайт, как-то ассоциированный с запрещенной организацией, автоматически является запрещенным. И, конечно, в 2012–2013 году традиционно набирала обороты борьба прокуратур за фильтрацию контента с образовательными учреждениями, библиотеками, интернет-кафе, почтовыми отделениями, организациями, предоставляющими гражданам доступ к интернету⁴².

Нам неизвестно точное количество прокурорских предписаний, вынесенных таким организациям, случайно попавшим в поле зрения борцов с экстремизмом. Приводим лишь динамику прокурорских предупреждений, вынесенных школам, которые мы собрали за последние три года:

	<i>Предупреждения за отсутствие фильтров</i> ⁴³	<i>Предупреждения за неработающие должным образом фильтры</i> ⁴⁴
2011	32	50
2012	38	97
2013	35	88

⁴⁰ Подробнее см.: Кравченко М. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2013 году. С. 110-111.

⁴¹ Прокуратуры начали выносить десятки предостережений в адрес провайдеров с требованием закрыть доступ к интернет-страницам с фильмом, не дожидаясь ни судебного запрета фильма за экстремизм, ни тем более вступления этого решения в силу. Где-то прокуратуры добивались адресной блокировки, где-то видеохостинг блокировался полностью. В некоторых регионах, включая Омскую область и республики Северного Кавказа, пользователи, по крайней мере на какое-то время, потеряли возможность пользоваться YouTube.

⁴² О неправомерности и неразумности этой борьбы мы уже писали в наших докладах. См. например: Юдина. Виртуальный антиэкстремизм, Кравченко. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2013 году. С. 113-114.

⁴³ В этих случаях можно сказать, что школы невнимательно относятся к борьбе с экстремизмом, так как не установили соответствующего оборудования.

⁴⁴ В этих случаях руководство школ не было виновато, так как неработающие фильтры были поставлены Рособразованием.

Из приведенных данных очевидно, что количество неправомерных санкций в адрес руководителей образовательных учреждений растет, хотя в 2013 году намечился определенный спад, что дает некоторую надежду.

Параллельно со старыми процедурами блокировки, которые, видимо, показались слишком сложными (прокуратура – суд – далее обращение к провайдерам), с 1 ноября 2012 г. функционирует новая система интернет-фильтрации, основанная на Едином реестре запрещенных сайтов. Поправка Лугового, о которой писалось выше (см. раздел о законодательной базе), дополняет этот реестр. Хотя формально на сайте Роскомнадзора реестры существуют отдельно, процедура работы с ними практически одинакова. Для этой системы досудебной блокировки был разработан механизм⁴⁵, который позволяет перекрывать доступ к «запрещенным» сайтам и интернет-страницам по всей стране, причем на усмотрение Роскомнадзора блокировка производится по конкретному адресу страницы (URL) или, гораздо шире, по субдоменному имени или по физическому адресу (IP), что приводит к блокировке множества заведомо невинных материалов.

В марте 2013 года мы зафиксировали первый случай блокировки сайтов из-за включения их в реестр за «экстремизм». В остальных случаях Роскомнадзор опирался на Федеральный список экстремистских материалов, как и предписано законом «О противодействии экстремистской деятельности». Однако эта работа велась эпизодически, и «экстремистских сайтов» в реестре пока немного, многократно меньше, чем упоминается в списке.

На 21 апреля 2014 г. в реестр запрещенных сайтов, по данным сайта «Роскомсвобода», основанных, надо полагать, на информации, неформально собранной от провайдеров, было включено 2130 записей. Но случаи применения блокировок именно за экстремизм по закону о реестре очень редки. Вероятнее всего (полной информацией обладает только сам Роскомнадзор), за экстремизм в 2013

---

⁴⁵ См.: Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 21 февраля 2013 г. № 170 «Об утверждении порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы "единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "интернет", содержащие информацию, распространение которой в российской федерации запрещено" с провайдером хостинга» // КонсультантПлюс. 21 февраля 2013.

<http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=145130;fld=134;dst=100009;rnd=0.9615231417119503>. Последнее посещение 8 мая 2015.

Приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 21 февраля 2013 г. № 169 «Об утверждении порядка получения доступа к содержащейся в единой автоматизированной информационной системе "единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети "интернет" и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети "интернет", содержащие информацию, распространение которой в российской федерации запрещено" информации оператором связи, оказывающим услуги по предоставлению доступа к информационно-телекоммуникационной сети "интернет"»// КонсультантПлюс. 21 февраля 2013. <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=144402;fld=134;dst=100011;rnd=0.9443686599843204>). Последнее посещение 8 мая 2015.

году туда попали восемь ресурсов: материалы славянских неоязычников и чеченских исламистов, сайт партии «Хизб ут-Тахрир», книга Муссолини *Доктрина фашизма*, сайт библиотеки «Грамотей», скорее всего – из-за хранящейся там книги Юрия Мухина *За державу обидно*, которая внесена в реестр и как отдельная страница. Заблокирован также сайт, полностью копирующий минюстовский Федеральный список экстремистских материалов, но с корректно работающими ссылками (на сайте Минюста они, как правило, приводятся с искажениями). Из перечисленного очевидно, что блокировки посредством реестра Роскомнадзора проводятся крайне избирательно и бессистемно, и случаи неправомерного применения здесь также есть. В частности, мы никак не можем согласиться с правомерностью блокировки целой сетевой библиотеки из-за одного или нескольких расположенных там экстремистских материалов.

Поскольку блокировки зачастую проводятся по IP-адресу, встречаются блокировки больших сайтов из-за отдельных материалов. Например, в марте 2013 года в Орловской и Рязанской областях провайдер «Ростелеком» разом заблокировал доступ к социальным сетям *ВКонтакте* и *Одноклассники*, видеохостингу YouTube и блог-платформе *livejournal.com* (с блокировкой последнего столкнулись рязанские пользователи). Эти сайты были внесены в Единый реестр запрещенных сайтов из-за отдельных размещенных на их страницах материалов, запрещенных ранее как экстремистских. В тот же день все сервисы были исключены из реестра, но «Ростелеком» уже успел ввести блокировку. Сходная информация о действиях провайдера поступала из Брянской и Воронежской областей.

Ранее мы неоднократно критиковали старую систему блокировки⁴⁶, которая явно требовала систематизации и наведения порядка, но с введением нового реестра порядка в этой сфере не прибавилось, а количество карательных мер увеличилось. И, заметим, с началом применения «закона Лугового» в феврале 2014 года (эти события выходят за рамки данной статьи) ситуация в этом смысле существенно ухудшилась.

Заключение

В целом опыт борьбы российских правоохранителей с киберэкстремизмом, какой бы смысл ни вкладывать в это выражение, трудно назвать положительным, и масштаб проблем, создаваемых этой борьбой, только растет. Разнообразные количественные показатели все лучше: за два года существенно выросло как количество уголовных приговоров за интернет-пропаганду, так и количество административных наказаний, не говоря уже о росте числа блокировок доступа к интер-

---

⁴⁶ См.: Верховский А. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2011 году. С. 106-111, Кравченко. Неправомерное применение антиэкстремистского законодательства в России в 2013 году. С. 109-113.

нет-материалам. Но качество этого правоприменения стремительно ухудшается. Причем репрессии, как административные, так и уголовные, могут коснуться практически каждого, что видно уже и на практике. Некоторые блогеры, опасаясь преследования со стороны государства, просто уезжают из страны⁴⁷. Однако большинство преследуемых за кибердеяния такой возможности не имеет.

Уровень юридической грамотности судей и сотрудников прокуратур в области интернета остается чудовищно низким. Например, в марте 2014 года представитель Центрального районного суда Хабаровска, комментируя решение об обязанности компании «Ростелеком» заблокировать по IP ряд ресурсов, в том числе поиск Яндекса по видео, Википедию, «Кинопоиск» и несколько сетевых библиотек, заявила, что в решении суда говорится о блокировании доступа «к конкретным IP-адресам, где содержатся запрещенные материалы», а не к ресурсам в целом. Сотрудники хабаровского суда явно не понимают разницы между блокировкой по IP-адресу и по URL-адресу страницы⁴⁸.

Риторика правоохранителей зачастую сводится к утверждениям в том духе, что интернет – это абсолютный рассадник зла, так что запрет всего подряд – единственная возможная мера противодействия. Складывается впечатление, что в правоохранительном и законотворческом сознании присутствует отношение к интернету как к чему-то очень особенному; похоже, в новом медиа как таковом видится источник потенциальной опасности: якобы то, что написано в Сети, гораздо опаснее высказывания в старом медиа. Это выглядит странно как с точки зрения здравого смысла – все зависит от качества и масштаба аудитории, – так и с правовой точки зрения; повторим, что офлайн должны действовать те же законы, что и онлайн.

Впрочем, у интернета есть два очевидных отличия от старых медиа: во-первых, в интернете контент порождается гораздо быстрее и распространяется гораздо шире, во-вторых, его там – при минимальных навыках – легче искать. Не только правоохранительные органы как таковые подвергаются «соблазну легко обнаруживаемого экстремизма», они также находятся под значительным давлением со стороны общества, представители которого требуют репрессивного вмешательства. Так, в апреле 2014 года на заседании Совета по правам человека при Президенте РФ, посвященном регулированию интернета, представитель Главного управления МВД по противодействию экстремизму, отвечая на вопрос члена Совета А. Верховского, чем вызвано такое количество приговоров по незначительным обвинениям, сказал, помимо прочего, что к ним поступает до 70 обращений в день с просьбой провести расследование тех или иных высказыва-

---

⁴⁷ В 2012 году покинул Россию председатель Молодежной правозащитной группы Карелии Максим Ефимов, который обвинялся в возбуждении религиозной вражды за публикацию в онлайн-газете *Час ноль* заметки с критикой слишком тесного сотрудничества региональных властей с РПЦ.

⁴⁸ Подробнее см.: Хабаровский суд постановил заблокировать «Яндекс.Видео», Википедию и сетевые библиотеки // Центр «Сова». 4 марта 2014. <http://www.sova-center.ru/misuse/news/persecution/2014/03/d29082/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

ний и полиция просто не может игнорировать этот поток заявлений, а установленный законом критерий их фильтрации слишком мягок⁴⁹.

Деятельность законодателей только усугубляет положение. За последние два года законодательные инициативы появляются в несметном количестве. Но предлагающиеся изменения в госрегулировании интернет-сферы и IT-отрасли в подавляющем большинстве являются по сути только жестко ограничительными и репрессивными. И все более реалистично звучит ироническое замечание уже цитировавшегося Антона Носика: «...вместо того, чтобы принимать множество законодательных актов, отвлекая депутатов от другой более важной работы, в случаях, когда надо снова расширять закон о блокировках, и заставляя каждый раз Рунет обсуждать очередную абсурдную блокировку федерального СМИ или чей-то страничке в соцсетях, законодатели могли бы принять одну единственную правовую формулировку в ФЗ "Об информации" для возможности ограничения информации: Любые сайты могут быть заблокированы любым государственным и правоохранительным органом по любым основаниям, на неограниченный срок без объяснения причин и без предварительного предупреждения владельца сайта»⁵⁰.

Очень показательно, что международная организация «Репортеры без границ» внесла Россию в список врагов интернета⁵¹. Ранее мы надеялись, что при борьбе с экстремизмом в виртуальном мире возобладает взвешенный подход и правоохранителям удастся выдержать баланс между соблюдением свободы слова и пресечением подстрекательского контента. Но сегодня здравый смысл явно проигрывает. К сожалению, все эти меры де-факто почти не распространяются на реально опасные действия российских ультранационалистов, которые, как показали многочисленные «антимигрантские рейды», бурно развернувшиеся в 2013 году, продолжают успешно координировать свои практические акции с помощью интернета и в интернете же выкладывать отчеты о своих «подвигах».

Хотелось бы, чтобы интернет использовался правоохранителями для того, чтобы расследовать и предотвращать насилие и наказывать прямых подстрекателей к нему. А между тем подстрекательские материалы, связанные с реальным применением насилия или призывающие к таковому насилию, уже много лет остаются в свободном доступе. Не перестают появляться и новые материалы такого типа. Интернет-коммуникация и пропаганда наиболее агрессивных националистических группировок обычно ничем не ограничиваются, если только ключевые фигуры не оказываются под арестом за совсем другие деяния, чаще всего — за насильственные преступления.

---

⁴⁹ По сообщению А. Верховского.

⁵⁰ Носик А. Роскомнадзор признал: блокируемые сайты не нарушают никаких законов // Блог Антона Носика. 22 марта 2014. <http://dolboeb.livejournal.com/2654448.html>. Последнее посещение 8 мая 2015.

⁵¹ Russia: control from the top down // Reporters Without Borders. 11 марта 2014. <http://12mars.rsf.org/2014-en/2014/03/11/russia-repression-from-the-top-down/>. Последнее посещение 8 мая 2015.

Судя по стремительно снижающемуся количеству приговоров за расистское насилие⁵², особенно в сравнении с ростом количества приговоров за пропаганду, борцы с экстремизмом переориентировались на ловлю случайных републикаторов в социальной сети *ВКонтакте* и вынесение многочисленных и зачастую бессмысленных требований к интернет-провайдерам о блокировках не самых опасных по сути материалов. Все это, не считая даже прямо неправомерных преследований, безусловно, улучшает антиэкстремистскую отчетность, но никак не способствует пользе дела, то есть укреплению безопасности в обществе.

На наш взгляд, противодействие не самым крайним формам языка вражды вообще не должно быть предметом внимания правоохранителей, этим могли бы заниматься общественные организации и активисты. Применительно к интернет-контенту язык вражды может встречать две основные формы противодействия – удаление материалов хостинг-провайдерами и владельцами сервисов за нарушение правил пользования (а почти везде такие правила запрещают публичное подстрекательство, возбуждение расовой и тому подобной ненависти и т.д.) и активную полемику (в мировой практике наработан уже определенный позитивный опыт такого рода активизма).

---

⁵² Данные о расистском насилии см. например: Альперович, Юдина. Праворадикал расправил плечи. С. 129-138.